

* * *

Земля моих предков... Святые могилы...
Здесь первый мой вдох Карата подарила.

Глоток молока из груди материнской –
Он тоже, конечно же, был каратинским.

Я ползал ещё, ушибаясь о камень,
Но отчую землю пощупал руками.

И радуги первой своей семицветье
Я над Каратою впервые заметил.

И слово, и книги волшебная сила –
Всем этим меня Карата наградила.

Быть сыном земли – это тоже искусство,
От первого танца до первого чувства.

Я вырос... Художник... Объездил полсвета,
Но без Караты мне не нужно всё это.

* * *

Где радуется сердце больше глаз?
Лишь в Карате, где воздух чище света,
Где Красота над Мудростью воздета,
Где видишь сердцем в сумеречный час.

Гляжу на небо, будто в гладь пруда,
И в тёмный пруд гляжу, как будто в небо.
Нет ничего вкуснее корки хлеба,
Когда одарит хлебом Карата.

Здесь колыбель моя средь чёрных скал,
Мой оберег от сумрачности мира.
Вовек не сотворял себе кумира...
Ты – мой кумир, родная Карата!

* * *

Дрожит звезда в осенней темноте...
Гляжу в окно – такая ж в Карате.

Весной округа зелени полна,
И в Карате, конечно же, весна.

Деревья гнутся, ёжась от ветров,
И в Карате ветра качают кров.

Лютует стужа, будто озверев,
И в Карате сугробы меж дерев.

Я дома, в Минске... Чту свою мечту.
Гляжу в окно и вижу... Карату.

* * *

Во всём этом мире убогом,
Где дали от горя пусты,
Лишь ты мне дарована Богом,
Лишь ты мое счастье, лишь ты...

Когда захлестнёт лихолетье
И горе смыкает уста,
Вдвоём мы с тобою на свете,
А значит – и даль не пуста.

А значит – могу поделиться
Добром, что осталось в суме,
С бродягой, с прохожим, с жар-птицей,
Что путь озаряет во тьме.

А значит – и в бурю, и в слякоть,
Забыв про узду и коня,
Готов я поститься и плакать –
О Боже, ты есть у меня...

* * *

Весна... Весна... Росой несёт с полей.
Под вечер горизонт прозрачно-светел.
И небеса от радуги светлей –
Звенят от озорного семицветья.

Как девушки весною хороши!
На бабочек их платяца похожи.
И веет светлым праздником души
Красавиц юных утренняя кожа.

А пальчики волнительно дрожат,
Зачем-то локон снова поправляя.
И взор смешливый бросив на ребят,
Девчонка тут же в сумраке растает...

Бурлит казан в камине над огнём,
Бунтует кровь... Дыханье веселее.
И эта же девчушка – завтра днём –
На год себя почувствует взрослее...

* * *

Когда поутру ты стучишь каблучками –
Расслышит глухой и растопится камень.

Так что говорить о здоровых и зрячих –
Конечно, влюбляются, как же иначе.

Хоть ты на любовь отвечаешь не слишком,
Все взгляды цепляются к чудным лодыжкам...

Господь, не суди за словцо озорное –
Спасибо Тебе, что я вижу такое!..

* * *

Чтобы к тебе хоть на миг прикоснуться,
Ласковым ветром мечтал обернуться.

Или снежинкою... Помня, что та ведь
Может на лбу твоём медленно таять.

Полночью – быть полуночной луною,
Чтоб до утра ты шепталась со мною.

Иль отражаться в июльской запруде
Звёздочкой, тихо ласкающей груди...

Как я наивен был в юности пылкой!
Нынче о том вспоминаю с ухмылкой.

Юность скупою слезою огромною,
Но и звезду, и слезиночку помню.

Всё, как мечталось, моя дорогая.
Только другая со мною, другая...

* * *

Греховны ли мои персты –
Я ими яблока касался?..
Мне здесь Всевышний показался,
И стали дали золоты.

И не считаю, что во грех
Я впал средь яблочного сада...
Струилась сонная прохлада,
И доносился женский смех.

Кто не изведал рай земной
На этой матушке-планете,
Пусть не твердят, что я в ответе
За мир небесный, мир иной...

Мы все там будем... Но во мгле,
Нас уносящей в рай небесный,
Им не понять, что эти бездны
И стали раем на земле.

Греховен я?.. Один, как перст,
Стою... Наверное, греховен.
Я нынче глух, как глух Бетховен,
И Ева яблока не ест...

* * *

Идут, бегут гурьбой,
неся в портфелях книжки,
По улицам прямым
и горною тропой,
Беспечно-веселы,
девчонки и мальчишки,
Забыв про страшный век,
Про этот рок слепой.

Вдруг рядом ухнет взрыв...
Вчерашний забияка,
худощ и большеглаз,
Шиит или суннит,
Весёлый, разбитной
мальчишка из Ирака
Останется лежать –
Убит...
Убит...
Убит...

Но детство озорно,
но детство так беспечно,
Что тянет малышню
смеяться и играть.
Весёлою гурьбой
бегут под небом млечным,
Чтоб вслед смотрел отец,
Чтоб улыбалась мать...

Но тут опять разрыв...
Качается планета.
И рухнув головой
на злую серость плит,
Мальчонка замолчал...
В живых мальчонки нету...
Из Сирии пацан
Убит...
Убит...
Убит...

О, как кричала мать!
Но толку в этом крике,
когда заткнули слух
Обамы всех времён...

И материнский крик,
беде равновеликий,
Лишь в прорези небес
Бедою вознесён.

А значит, снова взрыв...
От горя гнутся спины.
Почти звериный вой
над кладбищем стоит.
Двенадцати годков
пацан из Украины
Наёмником шальным
Убит...
Убит...
Убит...

О, женские глаза –
Мне им ответить нечем...
В них отсветы смертей
неправедных времён.
О, двадцать первый век!
И к власти рвётся нечисть,
Своих детей спеша
Отправить за кордон...

РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

Не веривший ни лжи, ни подленьким посулам,
Божественной строки великий пилигрим,
Воистину не зря ты назван был Расулом*,
Как Лермонтов – велик, как Пушкин – уязвим.

Огромный шар земной прижав к сердечной ране,
Умел не замечать своих сердечных ран.
Весь мир с твоей строкой узнал о Дагестане,
Промолви вслух «Расул», услышишь – «Дагестан».

Вся жизнь твоя была не прожита – пропета,
Когда полёт мечты превыше всех невзгод.
Народ боготворил народного поэта,
А если есть поэт, то, значит, есть народ!

Душа тогда душа, коль песня в ней клокочет,
И лишь пройдя огонь, кинжалом стал металл.
Вот путник... У него искрящиеся очи –
Наверное, твою он строчку прошептал.

Ты Родине служил «во славу» и «во имя».
Поэту лишь одно неведомо – покой.
И чудятся птенцы мне песнями твоими,
И чудится цветок расуловой строкой...

* Расул (с араб.) – посланный Богом.

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

По отцовской земле столько вёрст безустанно протопав,
В суете серых будней поняв, как страшна суета,
Я заметил не раз – много было великих потопов,
Смыло целые страны, но так же стоит Карата.

Научился дружить... И мой самый надёжный товарищ,
Стоя вместе со мною у древних кладбищенских плит,
Удивлённо изрек: «Столько было великих пожарищ,
А твоя Карата, молодея, в огне не горит!»

Знаю, много аулов исчезло и горных селений:
То война, то пожары, то скалы трясутся – беда!
Но на отчей земле будто не было землетрясений,
И, Всевышним хранимая, гордо стоит Карата.

И когда засыхали поля и не знали соседи,
Чем кормить в лютый голод своих разнесчастных детей,
В Карате находилась хоть горстка какой-нибудь снеди,
И беда отступала в безудержной злобе своей.

Отчего ж так ведётся, что вечно здесь всё – честь по чести,
Что здесь дышится вольно и хочется снова вздохнуть?
Каждый мыслит своё... Но давайте подумаем вместе,
Если думают вместе, скорей проясняется суть!

Может быть, потому, что все люди – из разного теста,
И когда для гнездовой себе выбирали места,
Побродив по земле, предки выбрали райское место,
Каратою назвали... Не в этом ли есть правота?

Ну а если враги к Карате приближались со злобой
И бряцали оружием... Помня про горскую честь,
Поднимались мужчины:
«Травинку здесь тронуть попробуй!..»
Как один поднимались... Секрет, может, в этом и есть?

А красавицы наши?! – Нет женщин нежней и вернее,
Что очаг сохраняли со скорбною складкой у рта.
Пусть заботы сгибали их хрупкие плечи и шеи,
Только пламя не гасло... А в этом и есть правота!

Каратинский язык, на обычаи предков помножен,
Пронесли сквозь века, а в нём слово высокое «Честь!»,
Нам родимое слово в беде и в удаче поможет,
Только помни его... А секрет, может, в этом и есть?

Все три тысячи лет каратинцы характер ковали
И не знали позора... И в Лету струилась вода...
Старики, уходя, молодым свою честь завещали –
Так идёт сквозь столетья... А в этом и есть правота!

Снова ветер шумит... Снова звёзды гуляют по крышам.
Снова аист приносит в селенье счастливую весть.
Так давайте же мы и потомкам об этом напишем –
Больше нету секретов, лишь память и Родина есть!